

Пчеловодова Ирина Вячеславовна

СЕМАНТИКА ОРНИТОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ УДМУРТСКИХ НЕПРИУРОЧЕННЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

В статье рассматривается семантика орнитоморфных образов в поэтических текстах удмуртских неприуроченных лирических песен. Частично эта категория образов была проанализирована удмуртскими исследователями на примере обрядовых песен в контексте своих научных концепций. Нами выявляются наиболее устойчивые образы птиц, посредством которых отражаются мировоззренческие установки удмуртского этноса, уходящие корнями в мифологическое время, а также определяется их оценочная категория с точки зрения народных представлений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 152-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398.8(=511.131)

Филологические науки

В статье рассматривается семантика орнитоморфных образов в поэтических текстах удмуртских неприуроченных лирических песен. Частично эта категория образов была проанализирована удмуртскими исследователями на примере обрядовых песен в контексте своих научных концепций. Нами выявляются наиболее устойчивые образы птиц, посредством которых отражаются мировоззренческие установки удмуртского этноса, уходящие корнями в мифологическое время, а также определяется их оценочная категория с точки зрения народных представлений.

Ключевые слова и фразы: удмуртские неприуроченные лирические песни; орнитоморфные образы; семантика; мифологема; пение.

Пчеловодова Ирина Вячеславовна, к. филол. н.

*Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
orimush@mail.ru*

СЕМАНТИКА ОРНИТОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ УДМУРТСКИХ НЕПРИУРОЧЕННЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН©

В удмуртском музыкальном фольклоре значительное место занимает необрядовая песенная лирика. Являясь средством выражения национальной ментальности, она в аккумулятивном виде наиболее ярко, в отличие от обрядовых песен, отражает мировосприятие как одного человека, так и всего этноса. Анализ поэтических текстов помогает раскрыть особенности мировоззренческих установок этноса. Так, предварительные результаты анализа песенных текстов позволили сделать следующие выводы: размышляя о своей судьбе, удмурт не будет противиться ее воле, а просто подчинится ей, что связано, в первую очередь, с мировоззренческими установками, когда любая жизненная ситуация воспринимается как предопределение свыше, не предполагающая вопроса о противостоянии. Разрешение психологического диссонанса реализуется в песне через «проговаривание» ситуации в рамках дозволенного [10, с. 120-121]. В этом проявляется прагматичность фольклорного текста, формирование которого «всегда связано со стремлением “ответить на вызов” окружающей действительности» в определенной этноментально обусловленной ситуации [2, с. 4].

В настоящей статье акцент делается на одной категории образов, а именно орнитоморфных образах. При этом выделяются наиболее устойчивые образы птиц, встречающиеся в поэтических текстах неприуроченных лирических песен, выявляется их семантика, функциональные особенности, оценочная категория народных представлений.

В удмуртской необрядовой песенной лирике среди двух тематических блоков текстов: о несчастливой судьбе/доле-любви и счастливой судьбе/доле-любви – первый представляет наибольшее количество текстов песен, что обусловлено традиционно сложившимся кругом «понятий, связанных с представлениями о счастье», который «ограниченнее, чем круг понятий, передающий представления о горе» [3, с. 116]. Именно этим объясняется превалирование почти тотальной печали, пронизывающей тексты удмуртских неприуроченных песен. Философию жизни через оппозиции несчастье – счастье, отвергнутая/несчастливая любовь – счастливая любовь отражают и орнитоморфные образы.

Основной художественный смысл, выражающийся в песнях через орнитологический аспект, раскрывает параллелизм природных и душевных явлений человека (замужней женщины, сироты, солдата, батрака, каторжника и т.д.). Это напрямую связано и с принципами построения поэтического текста удмуртской песни, когда практически каждый мотив основан на художественном приеме психологического параллелизма, именуемом в научной литературе или как «двузвенный тип композиции» [4, с. 9], или как «психологические ассоциации чувств» [5, с. 7-8]. Строфа состоит из двух частей: в первой части (метафорической) изображаются какие-либо объекты природы или быта, во второй (реальной) – доминируют чувства, эмоции и психические свойства, присущие человеку. Эту особенность построения текстов южноудмуртского песенного материала отмечали ученые еще в XIX – начале XX в. [1, с. XIV; 19, S. 88-89].

К наиболее ярким и распространенным следует отнести образ соловья *у́чы*. Сирота, идентифицируя себя с птицей, выбирает именно этот образ, «предельное напряжение жизненных сил» [18, с. 250] которого выражается пением, соловьиными трелями. Таким образом, соловей, приветствующий рассвет, ассоциируется с человеком, обладающим талантом петь. Собственно это обстоятельство рождает параллельное сопоставление: соловей – сирота и наоборот.

Тон но у́чыпи, мон но у́чыпи,
Кытчы мыныса чирдылом?
Тон но сирота, мон но сирота,
Кытчы мыныса бордылом [14, с. 114]?

Ты соловушка, и я соловушка,
Где найдем место петь?
Ты сиротинушка, и я сиротинушка,
Где найдем место выплакаться?
(Здесь и далее перевод автора – И. П.)

Свободная жизнь соловья в представлении сироты гораздо счастливее, нежели его собственная, поэтому он хотел бы оказаться на месте певчей птицы.

Учылан кадь, бурдьёсы өвөл Вож арама шоръёсы лобзыны. Атае өвөл, анае өвөл, Калык кадь, вордскем юртам улыны [Там же, с. 123].	Нет у меня крыльев, как у соловья, Чтобы в самую гущу зеленой рощи улететь. Отца нет, матери нет, Чтобы, как все [остальные] люди, в родном доме жить.
---	---

Следующий пример текста неприуроченных песен заимствован из свадебных песен невесты, в которых сын/мальчик – дочь/девочка выступают как носители мужского и женского начала. Причем контраст женской (уход из родительского дома) и мужской участи (парни, как правило, оставались при родителях) проецируется на жизнь сироты, в песне которого его судьба (тяжелая и несчастливая) противопоставляется жизни соловья (вольной и беззаботной). Налицо аналогия: сирота – невеста, соловей – жених.

Ўуж учы пи ке бон мон лусал, вож арама кыр'ёсын мон чирдысал. Атыкай пи ке мон луысал, атай гынэ юрт'ёсам мон кырзасал [1, с. 33].	Если бы я был соловей, на поляне зеленого лесочка бы пел. Если бы я был отцовский сын, Я бы пел в отцовском доме [1].
---	--

Таким образом, пение соловья, слышимое всеми, ассоциируется с благополучной жизнью. Звонкое, красивое пение соловья в тексте подчеркивается эпитетом *Ўуж* – желтый (*ср.* золотой голос). Но есть и обратная сторона его пения, олицетворяющая тяжелое душевное состояние человека, часто связанное с его отдаленностью от родного дома по тем или иным причинам (в частности, уход мужчин на заработки). Не случайно соловьиное пение сравнивается с интонациями плача – ламентацией (плач, рыдание, жалобная песня) [16]. Кроме того, в удмуртской традиционной культуре умение петь имеет двойное значение: с одной стороны, искусного исполнителя все знали и уважали, с другой – этот талант предвещал несчастную судьбу его обладателю [9, с. 88].

Учы чирдэ льөмпуг улын, Чирдэ ке но, кин кылэ. Мон бөрдйёско ас коркам но, Бөрдй ке но, кин кылэ [6, д. 1342, л. 16].	Соловей поет в ветвях черемухи, Хоть и поет, да кто услышит. Я рыдаю в своем доме, да Хоть и рыдаю, да кто услышит. (Перевод автора – И. П.)
--	--

Учы чирдэ арамаын, Уг кылыськы чирдэм куараез. Воргоронэд кошке кыдэке ужаны, Уг кылыськы тэльмырыса бөрдэм куараез [15, с. 49].	Соловей поет в роще, [Поэтому] не слышится его пение. Мужчина уходит на заработки, [Поэтому] не слышно его горестного плача. (Перевод автора – И. П.)
---	---

Мысли о быстротечности молодости, изложенные в текстах песен, как нельзя лучше усугубляют постоянные метафорические параллели из мира природы, в том числе связанные и с птичьим миром. Образ соловья в этом случае выступает в качестве основного персонажа. Более того, он напрямую олицетворяет собой прошедшую молодость.

Учы чирдэ, учы вера, Лобзе-кошке кыдэке. Пинал даур ортче-быре, Кытцы шөдтэк кылысько? Пинал даур ортче-быре, Кытцы шөдтэк кылысько [17, МК 200/2–А]?	Соловей поет, соловей рассказывает, Улетает далеко. Молодая пора проходит, Почему не успеваю [ее] прочувствовать? Молодая пора проходит, Почему не успеваю [ее] прочувствовать? (Перевод автора – И. П.)
--	--

Читыр-чутыр, ой, шуред, Со шур кузя камышед. Камыш пöлын Кам бадьпуэд. Бадьпу йылын учыед.	Извилистая, ой, река, Вдоль реки – камыши. Среди камыша ива [растет], На верхушке ивы – соловей.
---	---

Со, ой, учыед учы-(й)о бон? Ортчем карьян дауре. Со, ой, учыед учы-(й)о бон? Ортчем пинал дауре [6, д. 784, л. 85].	А соловей ли, ой, это? Это мои несчастливые годы. А соловей ли, ой, это? Это моя былая молодость. (Перевод автора – И. П.)
--	--

Образ соловья выступает также в качестве прорицателя будущей жизни. Прямых свидетельств несчастливой перспективы в тексте может и не быть, но они вытекают из контекста песни.

Цукна султһ, вулы васьки, Вож ведрате кутыса. Цукна султһ, вулы васьки, Вож ведрате кутыса.	Утром встала, за водой спустилась [к речке], Взяв зеленые ведра. Утром встала, за водой спустилась [к речке], Взяв зеленые ведра.
--	--

Карнан пумам уцы чирдэ,
Азь улонме вераса.
Карнан пумам уцы чирдэ,
Азь улонме вераса.

На конце коромысла соловей поет,
Мое будущее предсказывая.
На конце коромысла соловей поет,
Мое будущее предсказывая.

Шудо муртлэн азь чиньяяз
Азвесь зундэс чияляоз.
Шудо муртлэн азь чиньяяз
Азвесь зундэс чияляоз.

У счастливого человека на пальце
Серебряное кольцо будет сверкать.
У счастливого человека на пальце
Серебряное кольцо будет сверкать.

Шудтэм муртлэн бам выльёсаз
Чурен-чурен синвуэз.
Шудтэм муртлэн бам выльёсаз
Чурен-чурен синвуэз [17, МК 128/4–А].

У несчастливого человека по лицу
Слезы ручьем [будут литься].
У несчастливого человека по лицу
Слезы ручьем [будут литься].
(Перевод автора – И. П.)

В этом же «птичьем» русле необрядовой песенной лирики раскрывается философская константа горя при помощи образа кукушки *кикы*, символически коррелирующего с образом соловья [12, с. 36]. В ряде славянских традиций кукушка считается символом сиротства [8, с. 99].

Ой, нюлэскын тылобурдо туж уно но,
Кикылэсь жожез чик өвёл.
Ой, калыкын калык туж уно но,
Мынэсьтым жожез чик өвёл [12, с. 202].

Ой, в лесу птиц очень много да,
[Но] печальнее кукушки нет.
Ой, людей на свете очень много да,
[Но] горемычнее меня нет.
(Перевод автора – И. П.)

Концепт горя, постоянно присутствующий в текстах рассматриваемой тематической группы (несчастной судьбы/доли-любви), в которых ставятся вопросы и даются ответы, отражает кодовую версию мировоззрения удмуртов. В частности, мифологемы образов кукушки и соловья представлены в одной из песен: если новорожденного «окукует» кукушка и «оплачет» соловей – быть тому всегда голодным, слабым и больным, неудачливым.

Монэ анае вордїз
Їукна шунды жужаки.
Їукна шунды жужаки но
Їукна кикы сильыкы.

Меня матушка родил(а),
Когда солнце всходило.
Когда солнце всходило да,
Когда кукушка куковала.

Їукна кикы сильыкы,
Їукна учы чирдыкы.
Вал, дыр, дыры зарни кадь но,
Бьдэсемем вал сяська кадь.

Когда кукушка куковала,
Когда соловей пел.
Было, наверно, золотое время да,
Я был(а) словно расцветший цветок.

Нош табере марлы меда
Из тюрмае сюрем кадь.
Из тюрмае сюрем кадь но
Улэпкын гуэ пырем кадь [6, д. 256, л. 186].

А теперь почему же
Будто бы в каменную тюрьму попал(а).
Будто бы в каменную тюрьму попал(а) да
Будто бы живой похоронили
(букв.: в земляной яме оказался(ась)).
(Перевод автора – И. П.)

Из текста следует, что в образах кукушки и соловья ярко проявляются функции вестничества, предсказательства. Обладание этими способностями наиболее характерно для птиц. Как отмечает А. В. Никитина, «по народным представлениям птица воспринимается как связующее звено между “верхним” и “нижним” миром, поэтому ее вестничество считается чем-то само собой разумеющимся» [8, с. 12]. Например, в удмуртской традиционной культуре отношение к кукушке как предвестнику о грядущем (в частности, гадание о продолжительности человеческой жизни) до сих пор остается достаточно стойким, впрочем, как и в других культурах.

К вышеназванным птицам в текстах песен может добавляться образ снегиря *шушы*, усиливая эмоционально-тревожное настроение. Основной акцент при этом берут на себя глаголы, обозначающие звучание каждой из птиц. Если соловей поет *чирдэ*, кукушка кукует/поет *силе/сильылэ*, то снегирь всегда плачет *бкрдэ*. Интересное наблюдение высказано удмуртским этномузыковедом И. М. Нуриевой относительно слова *сильыны*, общепермская основа которого *s'ül* ‘петь’ позволяет предположить ученому о сакральности слова, в древности обозначающего и пение кукушки, и пение человека [9, с. 85-86].

Учыед чирдоз,
Шушыед ббрдоз,
Тэлын кикиед
Чильылоз.
Тэлын кикиед
Чильылоз [17, МК 198/2–В].

Соловей запоет,
Снегирь заплачет,
Кукушка в лесу
Закукует.
Кукушка в лесу
Закукует.
(Перевод автора – И. П.)

В этом же орнитологическом ключе, но как антипод образам соловья и кукушки в необрядовой песенной лирике представлен образ жаворонка *тюрагай*. В отличие от них он является символом жизни без горя, воплощает собой идею благополучия во всем под знаком благословения свыше. Аналогичное восприятие жаворонка встречается и в других культурах. Так, например, в польской традиции жаворонки почитаются в качестве «божьей» птицы, а потому убивать ее и употреблять в пищу запрещается. В русской традиции «жаворонки» – выпекаемые из теста изделия – дети подбрасывали к небу, зазывая весну [11, с. 157-158].

Бурды ке но луысал,
Турагай кадь лобзысал:
Ой кутысал дунне но,
Ой, кайгуосыз [14, с. 107].

Были бы у меня крылья,
Как жаворонки бы я улел:
Не испытывал бы да,
Ой, горя (букв.: тяготы мира).
(Перевод автора – И. П.)

В этом же значении выступают образы белого лебедя *ткды юсьпи* и сизого голубя *чагыр дыдык*. Эти птицы являются священными в удмуртской традиционной культуре и представляются посланниками верховного божества *Инмара*. Их божественную сущность подчеркивает и цветовая окраска – белый и сизый/голубой.

Ткды юсьпи
Мон ке луысал,
Вуко ултй
Уясал.

Белым лебедем
Если бы я был(а),
Под мельницей бы
Плавал(а).

Шудо нылпи
Мон ке луысал,
«Ой-ой» шуытэк
Будысал [17, МК 93/2–1].

Счастливым ребенком
Если бы я был(а),
Горя бы не зная (букв.: «Ой-ой» не произнося),
Вырос(ла).
(Перевод автора – И. П.)

Чагыр но дыдык мон ке луйсал,
Лыз тэлен висъестй лобасал.
Чагыр но дыдык мон ке луйсал,
Лыз тэлен висъестй лобасал.

Сизым да голубем если бы я была,
В просвете леса бы я летала.
Сизым да голубем если бы я была,
В просвете леса бы я летала.

Шудо нылпи ке мон луысал,
Шуд курытэк ик мон будысал.
Шудо нылпи ке мон луысал,
Шуд курытэк ик но будысал [Там же, МК 56/2–В].

Счастливым ребенком если бы я была,
Счастья не испрашивая бы выросла.
Счастливым ребенком если бы я была,
Счастья не испрашивая бы выросла.
(Перевод автора – И. П.)

Однозначно негативное значение, усиленное эпитетом черный *ськд*, в текстах приобретают образы ястреба *душес* и ворона *куака/кырныж*. Если в свадебных песнях эти образы (особенно образ ястреба) символизируют жениха в качестве представителя другого/иног/враждебного мира, то в лирических песнях его отрицательность раскрывается через тяжелое душевное состояние человека, внутреннее беспокойство, взволнованность которого подобны кружению птицы в небе, выглядывающей себе добычу.

Ширьялоз-порьялоз
Ворпо-чибор душесэд.
Со душес кызы порья,
Мынам сюлмы сыче ик [Там же, МК 109/2–В].

Кружится-парит
Пестрый ястреб.
Как ястреб кружится-парит,
Мое сердце так же мечется.
(Перевод автора – И. П.)

Со беризьлэн но улаз
Раненой солдат кылле.
Со солдатлэн но вылтйз
Сьод кырныжъес лобало.

Под этой липой
Раненый солдат лежит.
Над его головой
Черные вороны кружат.

Со солдатлэн но вылтйз
Сьод кырныжъес лобало.
Ой, тон кырныж, сьод кырныж,
Ма мон вылтй порьяськод?

Над его головой
Черные вороны кружат.
Ой, ты, ворон, черный ворон,
Что кружишь над головой?

Ой, тон кырныж, сьод кырныж,
Ма мон вылтй порьяськод?
Мынъсытым но кулэмме
Малы сокем витиськод [Там же, МК 182/8–В]?

Ой, ты, ворон, черный ворон,
Что кружишь над головой?
Моей да смерти
Отчего так поджидаешь?
(Перевод автора – И. П.)

Оставшись без поддержки родных и близких людей, человек сравнивает себя с заблудившейся дикой птицей или перелетными птицами, символизирующими разлуку с близкими, родными.

Мон улйсько туж кыдѣкын,
Лобзыса усем луд заез пи сяин [7, д. 530, л. 265].

Я живу очень далеко,
Словно оторвавшийся от стаи дикий гусенок.
(Перевод автора – И. П.)

Гужем ортчиз, сйзбыл вуиз,
Туриос но лобзызы.
Гужем ортчиз, сйзбыл вуиз,
Туриос но лобзызы.

Лето прошло, осень наступила,
И журавли улетели.
Лето прошло, осень наступила,
И журавли улетели.

Э, нэнье, э, дядие,
Ми но озыы ик лобзѳом.
Э, нэнье, э, дядие,
Ми но озыы ик лобзѳом [17, МК 200/2–А].

Ой, матушка, ой, отец,
И мы так же улетим.
Ой, матушка, ой, отец,
И мы так же улетим.
(Перевод автора – И. П.)

Таким образом, можно выделить две группы орнитоморфных образов по принципу «положительные/чистые/добрые» – «отрицательные/нечистые/злые». К первой можно отнести соловья, жаворонка, снегиря, лебедя, голубя. Ко второй – ястреба, с его хищнической природой, и ворона. Среди них выделяется образ кукушки, связанный в народном сознании с горестными предсказаниями, однако при этом не угрожающий жизни человека. Отчасти такой же нейтральностью обладает и образ соловья, пение которого в разных жизненных ситуациях приобретает и положительную, и негативную характеристику.

Список литературы

1. Борисов Т. К. Песни южных вотяков. Ижевск: Удкнига, 1929. 102 с.
2. Власов А. Н., Бунчук Т. Н. Фольклорный текст и методы его интерпретации // Традиционная культура. 2004. № 2. С. 3-10.
3. Колпакова Н. П. Восточнославянская лирическая песня: сравнительный анализ поэтики // Русский фольклор. М. – Л.: Наука, 1968. Т. 11. Исторические связи в славянском фольклоре. С. 102-117.
4. Кондратьев М. Г. Чувашская *савра юра* и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993. 80 с.
5. Лирика: генезис и эволюция. М.: Росийский государственный гуманитарный университет, 2007. 417 с.
6. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Оп. 2-Н.
7. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Оп. 3-Н.
8. Никитина А. В. Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.
9. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 272 с.
10. Пчеловодова И. В. Удмуртская песенная лирика: от мотива к сюжету. Ижевск, 2013. 164 с.
11. Славянская мифология: энциклопедический словарь: А – Я. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Международные отношения, 2011. 510 с.
12. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). 704 с.
13. Удмурт калык кырзаныѳс = Сборник удмуртских народных (сюжетных) песен. Ижевск: Удгиз, 1936. Вып. 2. 299 с.
14. Удмурт калык кырзаныѳс = Удмуртские народные песни. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 144 с.
15. Удмурт калык кырзаныѳс (ныльчурьѳс) = Удмуртские народные песни (четверостишия). Ижевск: Удгиз, 1936. 176 с.
16. Ушакова О. М. Миф о Прокне и Филомеле в поэзии Т. С. Элиота // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 21. С. 17-33.
17. Фонограммархив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.
18. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник Вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
19. Buch M. Die Wotjåken, eine ethnologische Studie. Helsingfors, 1882. 190 S.

SEMANTICS OF ORNITHOMORPHOUS IMAGES IN THE POETICAL TEXTS OF THE UDMURT UNTIMED LYRICAL SONGS

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology
Udmurt Institute of History, Language and Literature Ural Branch of Russian Academy of Sciences
orimush@mail.ru

The article examines the semantics of ornithomorphous images in the poetical texts of the Udmurt untimed lyrical songs. This category of images was partially analyzed by the Udmurt researchers by the example of ritual songs in the context of their scientific conceptions. The author identifies the most stable images of birds representing the ideological attitudes of the Udmurt ethnics taking its rise in the mythological time, and also specifies their evaluative category from the viewpoint of folk conceptions.

Key words and phrases: Udmurt untimed lyrical songs; ornithomorphous images; semantics; mythologeme; singing.